

ВАЛЕРИЙ АУШЕВ

*писатель, историк, руководитель Литературно-творческого центра
Всероссийского созидательного движения “Русский лад”*

“ЛОМОНОСОВ XX ВЕКА”

В. И. Вернадский — собиратель научного наследия великого помора

Ломоносов стоит впереди наших поэтов, как вступление впереди книги. Ни раньше, ни позже в нашей стране не было более своеобразной, более полной творческого ума и рабочей силы личности.

В. И. Вернадский

Сегодня мало кому известно, что творчество гения русской науки М. В. Ломоносова в начале XX века тщательнейшим образом исследовал В. И. Вернадский, когда работал в Московском университете в течение более двадцати лет (с осени 1890 года до весны 1911-го), пройдя путь от приват-доцента до профессора и хранителя университетского Минералогического кабинета. В своём курсе лекций по минералогии, неоднократно переизданном за эти годы, он не раз возвращался к научным трудам Ломоносова. В январе 1900 года, когда проходили торжества по случаю 150-летия созданной Ломоносовым первой в России химической лаборатории, Владимир Иванович выступил на публичном заседании Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете с докладом, вышедшем в том же году отдельной брошюрой: “О значении трудов М. В. Ломоносова в минералогии и геологии”.

В. И. Вернадский на свои средства приобрёл и сохранил неизвестные до XX века рукописные материалы М. В. Ломоносова, которые передал Академии наук.

“Вернадский и Ломоносов. Эти два имени олицетворяют собой крупнейшие достижения отечественной и мировой науки. Их единит энциклопедическая образованность, пламенный патриотизм, культ служения Отечеству, устремлённость в будущее. Оба сумели подняться над повседневностью, выйти за рамки своей эпохи, определить новые научные направления и мировоззренческие ориентиры человечества. Оба осознали своё великое предназначение и подчинили ему свою жизнь, — отмечает канд. философских наук Л. А. Алексеева. — Ломоносов знал, что он избранник судьбы. Знал это и Вернадский. Оба несли своё избранничество с честью и достоинством” (1).

Известно, какая печальная участь ждала архив Ломоносова и его библиотеку: документально установлено, что на другой день после смерти Ломоносо-

ва (он умер 4 (15) апреля 1765 года) Григорий Орлов, фаворит Екатерины, печатал по её распоряжению все бумаги Ломоносова (2), а затем забрал их себе то ли насильственно, по приказу сверху, то ли по уговору с вдовой (3). Он продержал их у себя, по некоторым известиям, до самой своей смерти, то есть до 1783 года (4). После того ломоносовский архив расплылся: некоторая его часть досталась потомкам учёного и его сестры, другая – неизвестно кому (5).

В служебной записке профессоров Академии С. Котельникова, С. Румовского и секретаря М. Гурьева, посланных академической канцелярией “отобрать надлежащие до Академии книги, письма и инструменты, находящиеся у покойного статского советника Ломоносова”, сообщается: “Были в его доме 11 числа... Уведомились изустно от самой госпожи статской советницы Ломоносовой, что все письма с прочими вещами запечатаны печатью его сиятельства графа Григорья Григорьевича Орлова, по высочайшему соизволению Ея Императорского Величества Всемилостивейшей государыни...” (6).

В связи с этим странным кажется беспардонное поведение графа, наложившего арест на документы учёного, хранившиеся в его рабочем кабинете. То же самое произошло и с домашним архивом. Ещё тело великого учёного не успело остыть, как Григорий Григорьевич примчался на Мойку, вихрем ворвался в дом и даже не попросил – потребовал, чтобы безутешная вдова Елизавета Андреевна никого не допускала к бумагам Ломоносова. Сам же, перерошив кипы бумаг, многие изъясил и увёз с собой.

Казалось, что многое из ломоносовского научного наследия исчезло. Но это было не так, по иронии судьбы большая часть библиотечного собрания оказалась у графа Орлова. Он жил в Мраморном дворце в Петербурге, который ему подарила Екатерина. Когда Орлов умер, Екатерина выкупила право на дворец вместе со всем имуществом и подарила его в день бракосочетания в 1775 году своему внуку Константину Павловичу, брату Александра и Николая. Константин Павлович в России почти не жил, а находился в Польше. Библиотеку после своей смерти он завещал внебрачному сыну – флигель-адъютанту Павлу Константиновичу Александрову, а тот уже подарил её Александровскому Гессельдорфскому университету – тогдашнему Императорскому университету Российской империи в Хельсинки.

Выяснилось также, что часть библиотеки он не подарил, а оставил. Это стало известно следующим образом: в 1933 году на книжном рынке в Ленинграде женщина продавала сотни книг в потрепанных переплётах XVIII века. Среди них были и книги из библиотеки великого князя Константина Павловича, и фолианты из дворца графа Орлова, и ломоносовские книги.

Чего вдруг испугался Орлов, вихрем пронесшийся по коридорам Академии и комнатам ломоносовского дома? Почему архив Ломоносова вызвал такую обеспокоенность графа? Не был ли он опасен для царского двора, ибо мог хранить компрометирующие записи Михаила Васильевича о династических заговорах и преступлениях того времени, об истинных виновниках – заказчиков и исполнителей дворцовых переворотов?! Или речь шла о нежелательных сведениях в исследованиях Ломоносова по истории Российского государства?! Как бы там ни было, но правящие круги решили подстраховаться, “предварительно несколько ознакомившись с Ломоносовскими бумагами, в которых личное так сильно переплеталось с актуальными политическими вопросами живой современности и в которых было очень много такого, что в XVIII веке считалось государственною тайной и разглашение чего подводило под государственное преступление... И возможно, что под влиянием живого впечатления от непосредственного знакомства с бумагами Ломоносова окрепла, а может быть, и родилась мысль взять их все себе, целиком, не разрознивая...” (7)

На эти обстоятельства указывает замечание И.-И. Тауберта в письме Г.-Ф. Миллеру: “На другой день после его (Ломоносова) смерти граф Орлов велел приложить печати к его кабинету. Без сомнения, в нём должны находиться бумаги, которые не желают выпустить в чужие руки” (8).

Екатерина II, “услылав от придворных наушников о свободолюбивых проектах русского учёного, которому покровительствовала Елизавета, довольно косо посматривала на него. Он же ещё и столь дерзкую критику навёл на “Историю Петра I”, написанную по высочайшему заказу Вольтером.

И Екатерина решила с первых же дней своего царствования напомнить ему при случае, что времена Елизаветы Петровны прошли безвозвратно. Щедро награждала новая царица всех, кто содействовал её воцарению или сла-

ве государства Российского. Из окружающих её людей только один человек не был ничем награждён, и его заслуги не были признаны перед лицом страны. Этим человеком был Ломоносов” (9).

Итак, изъятие архивов учёного было продиктовано Екатериной II. Таким образом, прослеживается прямая причастность двора к этому деянию. “Последнее и было сделано, — пишет исследователь С. Чернов, — под личиной красивых поз и жестов гр. Орлова... Трудно догадаться, что руководило Орловым, когда он “выпрашивал” у вдовы бумаги М. В. Ломоносова, с которыми, видимо, та, — судя по слову “выпросил”, — не хотела расставаться и неохотно рассталась...; ...он взял себе как меценат (“выпросил”, конечно же, не бесплатно!) все Ломоносовские бумаги, купив их вместе с библиотекою Ломоносова,... и сделал недоступными в особом хранилище семейного характера...” — заключает Чернов (10).

Портреты Григория Орлова, долгое время считавшегося невенчанным мужем Екатерины, по мнению писательницы Ольги Чайковской, “полны энергии и веселья — и того и другого было в его характере сколько угодно, — но в том-то всё и дело, что природа, весьма щедро его одарив, наделила его также и безумием, именно в этом тяжком, унижительном безумии он и умер. Ни тени его не найдёте вы на портретах Орлова” (11).

Не явилось ли одной из причин безумия Орлова двуручническое отношение графа к гению Отечества и научному наследию Ломоносова?! Часть бумаг личного характера впоследствии вернули семье, но значительная доля осталась у Г. Г. Орлова и до сих пор не найдена... По причине сумасшествия Г. Орлова не раскрытой осталась, ушла в вечность и тайна архива М. В. Ломоносова, которую В. И. Вернадский пытался раскрыть спустя полтора года лет.

Кому в руки попали потом важные документы, проливающие свет на драматические события в жизни Ломоносова? Молчит История, молчит Время...

Академик М. И. Сухомлинов, работавший в конце XIX столетия над изданием сочинений М. В. Ломоносова, писал в предисловии к первому тому: “Собрание источников, рукописей и первых изданий сопряжено с чрезвычайными трудностями. Некоторые из них исчезли, по-видимому, навсегда, другие находятся в руках у любителей, живущих в различных краях России. Иногда то, чего долго и напрасно искали в богатых библиотеках, общественных и частных, Петербурга и Москвы, неожиданно открывали в Красноярске...” (12).

Так, к примеру, в библиотеке Г. В. Юдина была найдена “величайшая библиографическая редкость” — вышедшее в XVIII веке первое и единственное издание идиллии “Полидор”, которую Ломоносов посвятил графу К. Разумовскому.

На 2-м этаже библиотеки Академии наук в Петербурге, на Менделеевской линии находится отдел рукописной и редкой книги. За бронированными дверями хранятся рукописи и самые драгоценные издания.

Невелик Ломоносовский фонд академической библиотеки — всего одна книжная полка, 50 изданий. Не повезло огромной библиотеке Михаила Васильевича, как, впрочем, и его архиву, приборам и даже домам, в которых он жил — они практически не сохранились.

Немногие издания с пометками русского учёного-энциклопедиста были обнаружены в библиотеке Хельсинкского университета и переданы ею в дар библиотеке Академии наук. Какие только отрасли знаний здесь не представлены! Книги античных авторов, грамматики и словари, труды по химии, философии, медицине, математике, физике, географии, риторике, минералогии, производству стекла... И каждая хранит пометы владельца: именно по ним книги и опознаны. Здесь же хранится и “История насекомых” Реомюра с большим автографом русского учёного.

В архиве Московского университета, в фонде М. В. Ломоносова, рядом с такими ценнейшими документами, как родословная Михаила Васильевича, программы заседаний Советов вуза по случаю празднования юбилеев учёного, хранятся и списки чернового собственноручного отрывка из проекта устава для гимназии в Москве и других городах, составленного великим помором. Составляя эти документы, учёный был озабочен тем, что в России “нет природных россиян ни докторов, ни аптекарей, да и лекарей мало, также механиков, искусных горных людей, адвокатов, учёных”.

Как видно из хранящейся в архиве “родословной, нисходящей линии родства Михаила Васильевича Ломоносова, профессора С.-Петербургской ака-

демии наук”, учёный выступал горячим поборником доступности образования для всех слоёв населения.

“Ломоносов был плоть от плоти русского общества, его творческая мысль проникала — сознательно или бессознательно — бесчисленными путями в современную ему русскую жизнь... — утверждал В. И. Вернадский, выступая с речью “Общественное значение Ломоносовского дня” 8 ноября 1911 года, когда просвещённая Россия отмечала 200-летие со дня рождения своего гениального сына. — ... Великим счастьем русского народа было то, что в эпоху перестройки своей культуры на европейский лад он не только имел государственного человека типа Петра, но и научного гения в лице Ломоносова” (13).

Ещё в 1887 году по инициативе историка литературы, академика М. И. Сухомлинова (1828–1901) Отделение русского языка и словесности приступило к академическому изданию “Сочинений М. В. Ломоносова”. По существовавшему в те времена негласному правилу М. И. Сухомлинов единолично занимался собиранием научного наследия первого российского академика, желая обнародовать “все без изъятия” сочинения и письма Ломоносова, а кроме того, написать и его биографию. Ему потребовалось семнадцать лет неутомимого, напряжённого труда, чтобы пять томов сочинений Ломоносова увидели свет. После смерти М. И. Сухомлинова выпуск очередных томов сочинений Ломоносова приостановился... (14).

К 200-летию М. В. Ломоносова — “столь знаменательного для истории русской науки” — комиссией Академии наук, в состав которой вместе с другими видными российскими учёными вошёл и В. И. Вернадский, предполагалось “завершить к юбилею Сухомлиновское издание сочинений Ломоносова с перепиской”, а также для увековечения памяти первого российского академика “возбудить ходатайство о сооружении при Академии наук особого Ломоносовского института”.

Владимир Иванович непосредственно участвовал в подготовке к изданию двух завершающих томов собрания сочинений М. В. Ломоносова, редактировал научные статьи Ломоносова по минералогии, писал письма в различные архивы и частным лицам с просьбой предоставить имеющиеся материалы о деятельности М. В. Ломоносова.

“Благодаря В. И. Вернадскому Архив Академии наук пополнился подлинными рукописями Ломоносова, — вспоминал позже академик, директор академического архива Г. А. Князев. — Материалы эти были получены от праправнучки Ломоносова — Е. Орловой”.

Удивительна судьба этой уникальной женщины, последней владелицы “Портфелей Ломоносова”, внучки М. Ф. Орлова и праправнучки Ломоносова Елизаветы Николаевны Орловой, перенявшей, очевидно, от своего выдающегося предка лучшие черты: одержимость, стойкость, несломленность духа. Жизнь не баловала её. Родилась Елизавета Николаевна в 1861 году — в год отмены крепостного права, но отзвуки его она ещё долго ощущала на себе, хотя никто из этого славного рода не испытал крепостного ошейника. Это видно из её письма академику В. Л. Комарову от 14 декабря 1938 года:

“Уважаемый Владимир Леонтьевич!

Я только что получила в первый раз определённую мне пенсию, и хотелось бы выразить Вам мою глубокую признательность за доброе участие, которое Вы приняли в этом деле. Оно тянулось так долго — почти три года — и так было запутано, что без Вашего письма, я уверена, что так ничем бы и не кончилось; а для меня эта помощь в настоящее время имеет жизненное значение.

Обращаюсь к Вам сегодня также по другому делу. Кроме переданного в Академию Наук диплома Ломоносова, в нашей семье (т. е. у меня и сестры моей, Екат. Ник. Котляревской с дочерью) хранятся ещё три документа, относящиеся к Ломоносову...” (15).

Орлова Елизавета Николаевна (1861–1940) — художник, праправнучка М. В. Ломоносова. В молодости (1877–1885) работала сельской учительницей. С 1891 — член Московского комитета грамотности, член Училищной комиссии Московской городской думы.

В 1914–1916 годах — уполномоченный отдела по устройству беженцев.

В 1918–1922 годах — сотрудник отдела по делам музеев и охраны памятников старины (Главмузей) Наркомпроса РСФСР.

В 1924–1929 годах – заместитель заведующего студией Т. Л. Сухотиной-Толстой.

С 1929 года выполняла отдельные работы по заказу Московского городского отдела изобразительных искусств. Скончалась 28 августа 1940 года.

С 1914 года переписывалась с В. И. Вернадским, в 1936 году прислала ему свой “трудовой список”, из которого приведены эти послужные данные (16).

Выберем из этой переписки несколько важных обращений к Владимиру Ивановичу.

Из письма В. И. Вернадскому от 19 апреля 1927 года (Москва):

“Многоуважаемый Владимир Иванович!

Точно из далёкого прошлого пришло ко мне ваше письмо, но прошлого незабытого, о котором я люблю вспоминать. Спасибо вам за хорошие слова о нём и обо мне; я тоже (что было легче!) всегда знала, в общих чертах, о жизни вашей и семьи вашей, и где вы находитесь.

На ваш вопрос я, к сожалению, должна ответить, что не знаю, ни где они, ни кто теперь жив, ни как это найти. Но у меня является сомнение, правда ли, что это от Орлова-Давыдова рукописи Ломоносова попали на выставку? Не может ли быть, что речь идёт о тех двух папках, озаглавленных “Портфель Ломоносова”, которые достались нам...” (17).

В другом письме академику, упомянув о барском доме в Усть-Рудице и его библиотеке, Елизавета Николаевна подробно сообщает о хранившихся в нём бумагах: “Архива, собственно говоря, не было. Были связки семейных писем, главным образом, второй половины прошлого века... Что же касалось Ломоносова, было давным-давно уже разобрано Ек. Ник. Орловой, составившей из этих бумаг два больших переплетённых тома рукописей, озаглавленных “Портфель Ломоносова”, в тёмно-зелёной, почти чёрной коже; заглавие вытиснено золотыми буквами. Эти бумаги она давала рассматривать Буслаеву (кажется, я не ошибаюсь; во всяком случае, ответное письмо Буслаева (?) приложено было к переплетённому томам, но не приплетено). После смерти Ек. Ник. Орловой эти два тома поместились в нашей библиотеке. О них знал академик Сухомлинов, и в 1899 г<оду> он просил нас одолжить их в отделение русского языка и словесности в виду переиздания сочинений Ломоносова. Я ему их выслала и имею ответное письмо его от ноября 1899 г<ода> за № 185. В 1902 г<оду> я сделала запрос в Академию и получила ответ от Александра Ник. Веселовского от 22 марта 1902 г<ода> за № 278, в котором он просит ещё оставить эти два “Портфеля” в пользовании Отделения, что я, разумеется, и сделала. После смерти А.Н. Веселовского я справлялась через знакомых у академика Шахматова о судьбе этих бумаг и снова узнала, что они целы и нужны. О них я Вам и писала в прошлом году. Я рада, чтобы они составили собственность Академии Наук...”

Ни о каких Ломоносовских бумагах, находящихся у Орловых-Давыдовых, я никогда не слыхала... Совершенно ничего не знаю о том, куда могли деваться бумаги Ломоносова, кроме указанных, и не знала раньше, что в архиве гр. Гр. Орлова могут быть следы их... у Г. Г. Орлова потомства, признанного законом, не было... Думаю, что это слишком слабая и поздняя связь с делами графа Григория Григорьевича, чтобы можно было ожидать найти в их (Орловых-Давыдовых. – Прим. В. А.) архивах следы взятых им, как Вы мне говорили, бумаг Ломоносова” (18).

Сами по себе примечательны приключения путешествующего из рук в руки легендарного “Ломоносовского портфеля”, о которых поведал С. Чернов в своём обзоре “Литературное наследство М. В. Ломоносова” (разночтения наблюдаются разве что при определении количества “портфелей”, в одном случае – просто “Портфель Ломоносова”, “портфель служебных бумаг”, в другом – “две папки бумаг”, “два Портфеля служебной деятельности”. – Прим. В. А.).

Так, А. Вельтман в предисловии к напечатанным им бумагам М. В. Ломоносова сообщает, что Екатерина Николаевна Орлова “доверила ему “портфель служебных его бумаг, сохранившихся в семействе Раевских”, и делает следующее примечание: “Единственная дочь Михаила Васильевича Ломоносова была замужем за бывшим библиотекарем при императрице Екатерине,

статским советником Алексеем Алексеевичем Константиновым, который имел двух дочерей: Екатерину Алексеевну и Софью Алексеевну – ныне вдову покойного генерала от кавалерии Николая Николаевича Раевского. Таким образом, бумаги Михаила Васильевича составляли родовое наследие по женской линии” (19).

Запись в дневнике А. В. Никитенко от 29 декабря 1865 года подтверждает, что он был с визитом у А. М. Раевской и “до обеда разбирал с хозяйкой черновые бумаги Ломоносова, которые хранятся у одного из потомков его – Орлова” (20).

По-видимому, в то время, когда рукописи Ломоносова находились в распоряжении А. М. Раевской, из состава собрания было изъято ещё несколько автографов, даже из числа тех, которые видел и публиковал П. С. Билярский. Из состава “Портфелей” исчезло, по крайней мере, несколько автографов, опубликованных в “Очерках России” и в “Материалах” Билярского: черновики писем к президенту Академии наук К. Г. Разумовскому 1753 и 1763 годов, черновик записки 27 августа 1762 года, черновик памятной записки Ломоносова о разных делах и др.

Потеря нескольких автографов, а также прошедшее 100-летие со дня смерти повысили интерес к личности и творчеству Ломоносова не только у общества, но и у его потомков и побудили Е. Н. Орлову переплести Ломоносовские рукописи в роскошный переплёт.

В таком виде получил “Портфели” биограф Ломоносова П. П. Пекарский, подробно описавший содержащиеся в них рукописи, дав каждому из документов заголовок на вкладном листе. Материалы ему предоставил Я. К. Грот при посредстве А. М. Раевской (21).

С тех пор с “Портфелями” не происходит никаких изменений. В конце концов, из Петербурга они перемещаются и оказываются в имении Н. М. Орлова Макарово Саратовской губернии, затем попадают в руки академика М. И. Сухомлинова – составителя собраний сочинений Ломоносова. Несмотря на заверения академиков, “Портфели” больше уже не вернулись к своим прежним владельцам. Об этом мы узнаём из письменного обращения Е. Н. Орловой 2 марта 1902 года к Н. Ф. Дубровину с просьбой вернуть бумаги Ломоносова: *“До смерти Сухомлинова я ожидала, что бумаги будут мне возвращены, но в настоящее время начинаю волноваться за их судьбу и решила обратиться за Вашим содействием для получения обратно этих бумаг. Они находятся в двух папках или, скорее, переплётах зелёного цвета, очень толстых, с надписью на коже “Портфель Ломоносова” (22).*

Тем не менее, рукописи не были возвращены ни тогда, ни позже, в 1905 году. Лишь в 1926 году Елизавета Николаевна Орлова пожертвовала рукописи Академии наук, поскольку они были необходимы для издания собрания сочинений её гениального предка. Такова внешне незамысловатая история “Портфелей” служебной деятельности Ломоносова. Его рукописи были в руках многих его потомков, которые недостаточно бережно распорядились ими, пока Академия наук и В. И. Вернадский не занялись их судьбой.

Несмотря на универсальный круг интересов, всё же главным увлечением Ломоносова было естествознание. Не только природа русского Севера, утверждал В. И. Вернадский, оказывала влияние на формирование юного Ломоносова, его пристрастий, познаний, но и “вопросы северного сияния, холода и тепла, морских путешествий, морского льда, отражения морской жизни на суше – всё это далеко уходит вглубь, в первые впечатления молодого помора...” (23). В последующих трудах по естествознанию гений Ломоносова проявился “с ещё большей силой и блеском”. Со всей очевидностью это обнаружилось благодаря многочисленным детальным исследованиям и академическим изданиям работ российских учёных, куда вошли и исследования В. И. Вернадского (24).

Показательным примером фундаментальной многосторонности интересов М. В. Ломоносова служит запись выдающегося русского геолога и почвоведов В. В. Докучаева в своих лекциях, изданных в 1901 году: “На днях проф. Вернадский получил поручение от Московского университета разобрать сочинения Ломоносова, и я с удивлением узнал от проф. Вернадского, что Ломоносов давно уже изложил в своих сочинениях ту теорию, за защиту которой я получил докторскую степень, и изложил, надо признаться, шире и более обобщающим образом” (25).

Оценивая вклад Ломоносова в геологию и минералогию, академик Вернадский замечает: “Среди всех работ Ломоносова в этой области знаний резко выделяется его работа о слоях земных. Она является во всей литературе XVIII века – русской и иностранной – первым блестящим очерком геологической науки. Для нас интересна она не только потому, что связана с научной работой, самостоятельно шедшей во главе человеческой мысли, сделанной в нашей среде, но и потому, что она в значительной мере основана на изучении природы нашей страны...”

В 1911–1912 годах В. И. Вернадский подготовил несколько докладных записок в разные правительственные инстанции о необходимости создания при Академии наук специального Ломоносовского института для разработки научных проблем, поставленных нашим великим предшественником. Впоследствии его учеником академиком А. Е. Ферсманом был создан Ломоносовский институт геохимии и минералогии (ЛИГЕМ), вошедший в 1956 году в Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии (ИГЕМ РАН).

Президент Академии наук С. И. Вавилов в своём письме от 3 января 1938 года обращается к В. И. Вернадскому с интригующим предложением, от которого Владимиру Ивановичу было трудно отказаться: “Дело, одним из ранних пионеров которого Вы являетесь, а именно: “История Академии наук в связи с историей русской науки и культуры” – опять становится предметом специального изучения. По решению Президиума АН СССР в г. Ленинграде при Архиве Академии наук в настоящее время под моим председательством создана Комиссия по истории Академии наук...”

Владимир Иванович, Ваше участие в работах этой Комиссии крайне желательное и необходимо... Комиссия в 1939 г<оду> подготавливает сборники, посвящённые М. В. Ломоносову и П. Н. Лебедеву. Обращаюсь к Вам с просьбой и в этом большом деле принять участие. Для Ломоносовского сборника Вам виднее, о чём писать...” (26).

И через некоторое время, в 1940 году не без деятельного участия В. И. Вернадского Академия наук издаёт книгу “Ломоносов. Сборник статей и материалов”, куда вошли статьи, посвящённые корифею русской науки, публикации и описания его рукописей.

В своей другой работе – “Общественное значение Ломоносовского дня” – Владимир Иванович пытается сосредоточить внимание русского общества “на живом значении личности М. В. Ломоносова для нас...” (27).

“По обрывкам мыслей, незаконченным рукописям, записям наблюдений, наконец, ненапечатанным статьям или покрытым пылью забвения изданным сочинениям выковывается сейчас в сознании русского общества его облик, – писал Вернадский о Ломоносове, – облик не только великого русского учёного, но и одного из передовых творцов человеческой мысли”.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Л. А., кандидат философских наук, зав. кафедрой философии Донецкого национального технического университета. Круглый стол “Ломоносов и российская наука. История и современность”. 22 октября 2011 года в Донецком техническом университете.
2. Ломоносов и Петербургская Академия наук. Материалы к столетней памяти его 1765–1865 года, апреля 4 дня. Сообщил В. И. Ламанский. М., 1865; Пекарский П. П. Дополнительные известия для биографии Ломоносова. СПб, 1865. С. 88–89.
3. Куник А.А. Сборник материалов для истории Академии наук. СПб. 1865. С. 404.
4. “Русская старина”, 1873, № 10. С. 598.
5. Модзалевский Л. Б. Рукописи Ломоносова. С. 9–10 и 13.
6. Билярский. Материалы для биографии Ломоносова. СПб, 1865. С. 747.
7. Чернов С. Литературное наследство М. В. Ломоносова. Журнал “Литературное наследство” №9–10 1934. С. 327–339.
8. Пекарский П. П. Дополнительные известия для биографии Ломоносова. СПб, 1865. С. 88.

9. Сизова М., Михайло Ломоносов. М., Издательство ЦК ВЛКСМ “Молодая гвардия”, 1954. С. 362.
10. Вестник Российской Академии наук. Т. 68. № 5, 1998. С. 446.
11. Чайковская О. Как любопытный скиф... Пути в неизвестное: Писатели рассказывают о науке. Сборник двадцатый. М., “Советский писатель”. 1986. С. 239–283.
12. Сухомлинов М. И. Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями академика М. И. Сухомлинова. СПб, 1891. Т. 1.
13. Вернадский В. И. Из речи “Общественное значение Ломоносовского дня”, произнесённой 8 ноября 1911 года.
14. Кулябко Е. С. Ломоносовский юбилей 1911 года. М.-Л., 1962, С. 300–312.
15. Из письма Е. Н. Орловой В. Л. Макарову от 14 декабря 1938 года.
16. АРАК Ф. 518. Оп. 3. Д. 1213.
17. Из письма Е. Н. Орловой В.И. Вернадскому от 19 апреля 1927 года.
18. Архив АН СССР. Ф. 20, оп. 6, № 38. Письмо Елизаветы Николаевны Орловой к акад. В. И. Вернадскому от 14 июля 1929 года.
19. Очерки России, изд. В. Пассеком. Т. 2. М., 1840. С. 8.
20. Никитенко А. В. Записки и дневники. Т. II. СПб, 1905. С. 225 и 267–268; Архив Раевских. Т. V. С. 12–13.
21. ААН, ф. 9, оп. 1, № 608, л. 52–52 об.; л. 56.
22. ААН, ф. 137, оп. 3, № 791, л. 3–3 об.
23. В. И. Вернадский, “Ломоносовский сборник”. С. 144.
24. Вернадский В. И. Ломоносовский сборник. Материалы для истории развития химии в России. СПб. 1911; Вернадский В. И. Труды Ломоносова в области естественно-исторических наук. СПб, 1911.
25. Лекции профессоров В. В. Докучаева и А. Ф. Фортунатова. Экономическое бюро Полтавского губернского земства. 1901.
26. Архив АН СССР, ф. 518, оп. 4, д. 66, л. 2.
27. Основные работы В.И. Вернадского, посвящённые М. В. Ломоносову:
Избр. соч. Т. 1. М., Изд-во АН СССР, 1954. Ломоносовский сборник. 1711–1911. СПб, 1911.
О значении трудов М. В. Ломоносова в минералогии и геологии. М., Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1900.
Несколько слов о работах Ломоносова по минералогии и геологии. // В кн.: Труды Ломоносова в области естественно-исторических наук. – СПб, Издание Императорской АН, 1911.
Памяти М. В. Ломоносова. //Запросы жизни, 1911, № 5.